

УДК 13.130

Черниенко В. А., Новоселов О. В.

НОВАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

У статті досліджено проблему модифікації ідентичності в умовах глобалізації. Показано необхідний зв'язок понять нової регіональної ідентичності і мережевої організації суспільства. Зроблено висновок про те, що в умовах глобальних соціокультурних трансформацій нова регіональна ідентичність є «відкритою» – заснованою на багатосторонньому співробітництві як факторі адаптації.

Ключові слова: ідентичність, соціокультурна трансформація, мережеве суспільство, відкрита регіональна ідентичність.

The problem of modification of identity in conditions of a globalization is investigated in the article. The necessary connection of concepts of new regional identity and network society's organization is approved. The conclusion is made that in conditions global sociocultural transformations the new regional identity is «opened» – grounded on multilateral cooperation as the factor of adapting.

Keywords: identity, sociocultural transformation, network society, opened regional identity.

Постановка проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления процессов глобальных социокультурных трансформаций, направленных на смену индустриального способа производства постиндустриальным. Эта «переходность» сопровождается социальной аномией и социальной мобильностью в целях оптимального выживания, что в свою очередь ведет к маргинальности самосознания или кризису идентичности – невозможности однозначной самоидентификации социального субъекта. Противоречивые тенденции глобализации сопровождаются одновременным «расширением» и «сужением» идентичности. Среди востребованных сегодня идентичностей особое место занимает региональная, поскольку в ней снимается абстрактность глобальной, космополитической идентичности и узость конкретных традиционных идентичностей. Действительно, современный кризис национальных государств как фрагмент мир-системного кризиса приводит к нарастающей политической роли регионов. Региональная идентичность сильна и выдвигается на первый план в странах неоднородного и маргинального пространства, в «многосоставных и кризисных обществах». Украина является таким транзитивным, переходным, кризисным многосоставным обществом. Потребность украинского народа в формировании гражданского общества и правового государства связывается не только с усилением роли регионов Украины, но и с внешней регионалистской ориентацией. И здесь на первый план выдвигается проблема выбора между «закрытыми» и «открытыми» регионалистскими стратегиями.

Степень разработанности проблемы. Разработка проблемы возникновения и

существования региональной идентичности происходит в рамках междисциплинарного подхода, чем обусловлено отсутствие однозначности определений данного понятия. Различные интерпретации региональной идентичности представлены в работах западных (А. И. Трейвиш, П. В. Роджерс, Е. А. Трифт, Дж. Е. Мроз, К. Лалюмбер), российских (Т. Н. Кувенева, А. Г. Манакова, Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов, М. П. Крылов, Р. Ф. Туровский) и украинских (А. А. Мусиезов, О. А. Михеева, Т. С. Стародуб, И. Т. Пасько, Я. И. Пасько, Г. М. Коржов, А. Ф. Карась, В. О. Кравченко) ученых. Несмотря на солидную проработку проблемы, остается неясным вопрос о балансе современных регионалистских тенденций и их роли в деле адаптации человечества.

Целью статьи является экспликация исторически новой формы региональной идентичности.

Изложение основного материала исследования. Ключевое понятие идентичности в нашем исследовании нуждается в научном обосновании. Это необходимо не только с гносеологической точки зрения, но и прагматики оптимальной манипуляции феноменом идентичности. Идентичность как новейшая проблема находит свое частичное решение в пределах примордиалистских и конструктивистских методологием. Примордиалистский подход онтологизирует идентичность, описывает ее через «объективные характеристики»: биологические, психологические, социокультурные, исторические. Так, например, нации в примордиалистской трактовке выступают биосоциальными организмами, некими целостностями, субстанциями. Конструктивизм решительно порывает с идеей объективной данности идентичности. Идентичность рассматривается здесь как результат деятельности социальных акторов. Делаются первые попытки преодоления крайностей примордиализма и конструктивизма в функциональном подходе, как будто открывающем перспективы релятивистской теории идентичности. Однако и до сих пор проблема идентичности плодотворно развивалась в пределах коллизии примордиализма и конструктивизма. Описанная ситуация напоминает коллизии социологического реализма и социологического номинализма. В нашем исследовании предпочтение отдается конструктивизму, как нам кажется, наиболее адекватному методологическому средству в современную эпоху попыток человечества сознательно направить свою историю посредством проектирования, конструирования и оптимизации адаптивных социокультурных средств жизни.

Конструктивизм проявил себя в теории дискурс-анализа [1]. Отметим, что дискурс-анализ презентуется синтезом лингвистики, марксистской философии и психоанализа, и подчеркнем, что подобная эклектика является проблематичной для академической традиции и требует рационального обоснования. Это возможно на пути понимания того, что общественно-историческая практика не может полностью охватить универсум. Эту ущербность ликвидируют дискурсы (здесь: дискурс – деятельность, имеющая избыточный механизм самоописания, например, речь). Теоретики дискурса понимают субъекта исторического развития как бесконечно незавершенную структуру, постоянно стремящуюся к тождеству и целостности.

Субъект не автономен, а определяется дискурсами. Кроме того, субъект фрагментирован, как бы поделен на части (статусы и роли). Субъект начинает осознавать себя как личность, идентифицируя себя с кем-нибудь вне себя, то есть с представленными в дискурсе образами. Соответствие образу не полное, поэтому субъект становится «расщепленным» в основе. Несмотря на то, что субъект позиционирован в дискурсах, чувство строгой, окончательной идентичности у него не появляется. Идентичность воображается субъектом.

Коллективная идентичность или социальная группа рассматривается согласно тем же самым положениям. Действительно, нет объективно существующих групп как непреодолимых субстанций, поскольку не существует таких объективных условий, жестко определяющих разделение социального пространства на группы. Индивиды и группы всегда имеют несколько идентичностей, что и определяет их принадлежность разным социокультурным субъектам.

Идентичность создается ценностями. Социальный антагонизм возникает, когда различные идентичности (ценности) взаимно исключают друг друга. В результате этой борьбы устанавливается господство гегемонных дискурсов, идентичностей. Ценностное измерение идентичности показывает «нарративный подход», согласно которому «идентичность» есть «связывающая и организующая метафора» [2]. Действительно, метафора выполняет семантическую и императивную функции. Метафора служит нам орудием мысли, при помощи которого мы достигаем границы нашего концептуального поля. Ключевые (базисные) метафоры прилаживают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту. Ключевые метафоры связывают в целостность казалось бы разрозненные фрагменты мира. Для нашего исследования важно, что метафора есть утверждение идентичности (индивидуальности), утверждение, посредством которого комплекс реальных качеств становится индивидом или утверждает себя как реальность. «Русские», «американцы», «украинцы», «инженеры», «профессора» и т. д. и т. п. – перед нами движущийся ряд идентичностей-метафор.

Таким образом, идентичность – изначально социокультурное образование: индивид видит (а значит, и формирует) себя таким, каким его видят другие («человек не рождается с зеркалом в руках»). «Я-идентичность» и «Другой» неотделимы друг от друга («люди отражаются друг в друге как в зеркалах»). Личностный аспект полагается вторичным по отношению к социальному, то есть идентичность личности социальна по происхождению. Значение идентичности определяют три важные потребности людей: принадлежность к сообществу, позитивная самооценка и безопасность. Идентичность как структура динамична у социальных субъектов. Эта динамика обусловлена социокультурными противоречиями. Историческое развитие формирует личности, ироничных в отношении любой идентичности как полезной метафоры.

Опасность для судеб народов их невежества в вопросе природы идентичности и механизмов ее модификаций иллюстрируется негативной абсолютизацией политиками риторики идентичности на примере грубой модернизации «сверху» постсоветских обществ. Распад СССР оставил гетерогенное в культурном и

этническом отношении маргинальное образование. Для политических элит постсоветского пространства нация выступает как высшая инстанция, прежде всего *их* (элит) суверенитета и предельное основание *их* легитимности. Именно поэтому, несмотря на огромные антигуманистические издержки, в срочном порядке фабрикуются национальные идентичности. Российский ученый В. С. Малахов справедливо полагает, что за фабрикацией идентичностей в политической практике стоит их гипостазирование в политической теории [3]. Многие из тех, кто сегодня оперируют национальными идентичностями, понимают под ними изначальные сущности философских пережитков. Они демонстрируют реифицирующее, гипостазирующее, эссенциалистское, историцистское мышление, превращающее изменчивые отношения в неизменные сущности. Так понимаемая нация отождествляется с субстанцией, ждущей своего развертывания.

Теоретически развитому человеку известно, что мировоззрение есть ядро личности. Решение же мировоззренческих проблем всегда партийно, а не нейтрально по отношению к борьбе сил прогресса и реакции, творческих сил обновления мира и косных сил традиции. В этом контексте абсолютизация риторики идентичности показывает связь научного и политического дискурсов с определенной политической практикой. Придворные теоретики подстраиваются под мнения и предрассудки власть предержащих. Для них нация – это не просто продуктивная фикция, необходимая в целях политической легитимации, но и обладающая определенной реальностью целостность (американцы, русские, украинцы, поляки и т. д.), от имени которой можно легитимно удовлетворять свои частные и клановые потребности.

Однако так или иначе для транзитивных обществ типа украинского политический дискурс имеет особое значение в плане самоопределения, самоидентификации. Именно в транзитивных обществах самоидентификация является предметом и рефлексии, и конструирования. Интеллектуальная элита этих обществ занята проблемой конструирования (а то и изобретения) приемлемых идентичностей. Так, согласно научным представлениям (выведенным из самой действительности, а не из представлений о ней, как это делается в идеологии) современный, переходной этап глобализации трансформирует национальную идентичность из базовой в рядоположенную; национальная идентичность превратилась из предопределенной судьбы в вопрос выбора, выбора осознанного и рефлексивного [4, с. 126].

Радикальное мнение конструктивистов в деле формирования идентичностей находит все больше сторонников. Действительно, если идентичность есть результат воображения (факт сегодня неоспоримый), то почему бы не поработать социальным инженерам над перспективными символами идентичности. Уже средневековые алхимики-метафизики показали вероятностный характер формирования идентичности. Еще ранее буддисты догадывались об иллюзорности любой «я-идентичности». Неклассическая, неэссенциалистская, бессубъектная антропология пытается выстроить свой дискурс именно на этих основаниях [5].

Итак, идентичность выполняет функцию организующего принципа. Это есть

фактор выживания социального субъекта. Ранее этот процесс протекал стихийно. Современная осознанность этого движения позволяет манипулировать им. Но недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, – сама действительность должна стремиться к мысли. Только тогда теоретическое сознание переплавится в общественное бытие. Это заметно на практике формирования региональной идентичности. И как было сказано выше, региональная идентичность сильна и выдвигается на первый план в странах неоднородного пространства «многосоставных обществ» типа украинского.

Для понимания исторической роли новой региональной идентичности в деле оптимизации постиндустриализма нам необходима «сетевая аргументация», являющаяся теоретическим отражением обществоведами тенденций мир-системного кризиса национальной идентичности, следовательно, кризиса индустриального этапа капитализма с его вертикально-иерархическим режимом власти (сегодня уже во многом реакционного) и переходом к прогрессивному постиндустриальному, нонииерархическому режиму коммуникации так называемого информационного или сетевого общества.

С позиций структуралистской методологии постиндустриальная, информационная эпоха обосновывается именно «сетевой аргументацией». Действительно, все общества информационной эпохи пронизаны – с различной степенью интенсивности – «логикой сети», чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы. «Сетевое общество» организовано в глобальном масштабе в информационно-производственную сеть, что позволяет оптимизировать производство и обмен. Испанский ученый М. Кастельс справедливо полагает, что понимание и обоснование современного мира требует одновременного анализа сетевого общества и его конфликтных вызовов» [6, с. 505].

Сетевое движение технологически развитых стран показывает развивающимся странам картину их собственного будущего. Информационная, скоростная экономика развивается под воздействием информационных финансовых рынков, предприятий и рабочей силы. Здесь исходным и окончательным источником роста производительности является инновация. Производство, в котором наука становится главной производящей и социально преобразующей силой, «всеобщим условием труда», не может долго существовать и развиваться по законам экономики. Научное знание не может быть объектом *частной* собственности. Наука является общественной собственностью, а это уже не экономическая категория, а категория культуры.

Движение нового, современного регионализма может быть понято с этих, сетевых позиций. Политические процессы последних десятилетий указывают на исторически новый механизм социокультурного размежевания, когда с потрясающей легкостью проводятся политические границы внутри традиционных социокультурных миров (регионализация Чехословакии, Испании, Великобритании и т. д.). Кто-то склонен обосновать это движение «правом наций на самоопределение». Однако мы предпочитаем добавить к этому тезису и тезис

«сетевой оптимизации капитализма» или информационализма.

Полагаем теперь возможным определиться с особенностями формирования новой региональной идентичности в эпоху глобальных социокультурных трансформаций. Важно отметить, что ученые-регионалисты считают понятие региона центральным элементом идеологии глобальной трансформации [7, с. 37]. Разработка темы региональной идентичности происходит в рамках междисциплинарного подхода. Часто в этих исследованиях наряду с «региональной идентичностью» используются термины «территориальная идентичность» и «локальная идентичность».

Так, например, географ М. П. Крылов региональную идентичность определяет как систему культурных отношений в пределах «малой родины», которые основаны на синтезе двух аспектов: внешнего (базирующегося на топологических связях) и внутреннего (регулируемого наличием «местного патриотизма») [8]. Социолог Н. А. Смирнова под региональной идентичностью понимает результат когнитивного, ценностного и эмоционального процесса осознания принадлежности к своему региональному сообществу, а также его места и роли в системе региональных взаимодействий [9].

Российские философы Н. А. Шматко и Ю. Л. Качанов вместо понятия региональная идентичность используют понятие территориальной идентичности, определяя ее как переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей (субъективной социально-географической реальности), формирующие «практическое чувство» и/или сознание территориальной принадлежности индивида [10, с. 94].

Как подсказывает практика, долгосрочные различия между региональными идентичностями вызваны следующими факторами: типом и уровнем религиозности общества, установкой на индивидуализм либо коллективизм, типом и темпами развития. К примеру, разные идентичности обслуживают, более того, закрепляют жизненный стиль «закрытых» (адаптирующихся традицией) и «открытых» (адаптирующихся инновацией) форм общности. Общинная жизнь «закрыта», традиционна, устойчива. Частная жизнь «открыта», инновационна, неустойчива, полна риска. Модернизация вскрывает существенную культурную дилемму: в частной, индивидуалистической, свободной культуре максимально выражены возможные персональные идентичности, а в общинной, коллективистической, несвободной культуре – возможные социальные идентичности. В этом смысле необходимо обращать внимание на хромотопный срез идентичности, формирующий устойчивый паттерн регионального развития, то есть социокультурный код воспроизводства региональной идентичности.

Исследователи выделяют региональную идентичность европейских стран (ЕС-идентичность), под которой они понимают чувство новой принадлежности этих стран к политико-географическому району, протянувшемуся от Балтики до Адриатики и отделившему западную часть континента от восточной части. Ученые характеризуют ЕС не как международный режим или федерацию государств, а как систему

государств, каждое из которых обладает суверенитетом [11, с. 88]. ЕС основан на серии «межправительственных сделок». Политические процессы, происходящие в ЕС, могут быть охарактеризованы как «наднациональные». Полномочия ЕС были обретены благодаря «добровольному отказу» от некоторых аспектов национального суверенитета и передачи их Сообществу. Это стало возможным благодаря особенным для европейского региона политическим, культурным и историческим взаимосвязям.

Назовем такой регионализм исторически новым, более того «открытым», то есть основанным на многостороннем сотрудничестве, а именно политическом, экономическом, культурном, социальном. Движение «открытого регионализма» не ограничивается Европой. Можно указать на ряд таких новых региональных движений: в Южной Азии – на Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН / ASEAN); в Латинской Америке – на Союз латиноамериканских стран, функционирующий на базе Южноамериканского общего рынка MERCOSUR. Немногим более скромные региональные инициативы имеют место на Ближнем Востоке, например, Объединенный совет стран Персидского залива (GCC), Союз арабских стран Магриба (AMU), Арабский совет экономического сотрудничества (ACC). Стартовали региональные инициативы в Африке, странах Карибского моря, Азии и на островах Тихого океана. Процесс «открытой регионализации» повсюду стал более интенсивным.

Но есть и проблемы. Российская исследовательница Н. Н. Федотова справедливо замечает, что глобализация культур осуществляется в меньшей мере, чем глобализация экономических отношений и информационных технологий [12, с. 56]. Этот тезис можно подкрепить аргументацией концепции исторических лагов или запаздываний, а именно фактора неравномерности развития различных сфер общества (исследовался американским социологом XX века У. Огборном). Изменения в экономике и технологии могут значительно опережать изменения в культурной сфере. «Культурное запаздывание» (под культурой будем понимать меру человеческого в человеке) становится одной из важнейших проблем современного общества, учитывая возрастающую скорость научно-технического прогресса. Замечено, что для проведения политических реформ достаточно шести месяцев, экономические реформы можно осуществить за шесть лет, но процесс изменения менталитета, жизненных стилей, культуры в целом может потребовать нескольких поколений. Наличие культурного лага затрудняет процессы глобализации культур, то есть затрудняет формирование адаптивных, «подвижных», «открытых» идентичностей, не отождествляющих себя с территорией.

В деле формирования идеологии преодоления чувства «почвы» поможет анализ генезиса американской идентичности. В отличие от других народов, американцы не идентифицируют себя со страной в целом, для большинства из них «страна – понятие абстрактное». Американцы очень подвижны в отношении территории. Это отношение к земле показывает, до какой степени американцы отождествляют себя не с территорией, но с политическими идеями и демократическими институтами. Американский философ С. Хантингтон пишет: «На протяжении двух с половиной столетий базовым элементом американской идентичности был Фронтир, но и он

постоянно сдвигался и менялся в размерах. „Миф Фронтiera”, присутствующий в национальном сознании, провоцировал непрерывную миграцию: для большинства американцев „обетованная земля” с максимумом возможностей находилась не там, где проживают они, но в „девственных краях” на западе. Лорд Данмор называл „слабостью” американцев то обстоятельство, что они „вечно взыскивают новых земель, куда более плодородных и богатых нежели те, на коих они ныне обитают”. Фронтир с годами сдвигался все дальше на запад, оставляя в наследие потомкам образ „бродячего американца”, лишённого какой бы то ни было территориальной привязанности» [13, с.94].

Коренные американцы (не иммигранты, а потомки первых переселенцев, пионеров Дикого Запада, то есть те, кто создавал Америку) убеждены в том, что они – «нация искупительница». Американцы-протестанты основывали свои поселения и заключали «договор с Господом», мечтая создать «град на холме», который стал бы образцом для всего мира. Американцы определяли свою миссию в Новом Свете в библейских выражениях: они были «избранным народом», «скитавшимся в пустыне» и «грезившим о создании „Нового Израиля” или „Нового Иерусалима” в этой, как им казалось, „обетованной земле”». Такой, космополитический импульс американской идентичности достоин подражания другими народами.

Это собственно и происходит в «новых» регионах. Российский социолог А. В. Баранов ссылается на анализ социологических опросов сети «Евробарометр» за 1991–1995 годы, который показал [14, с. 25–27]: взаимосвязь локальной и региональной идентичностей в 2,5 раза сильнее (0,61 и 0,24), чем взаимосвязь между уровнями страны и ЕС; значителен стал рост полиидентичности, уменьшился вес радикальных мнений и настроений, например, «только баск / каталонец / испанец». Однако крупные космополитические города оценили регионализм негативно. Ученый приходит к выводу: социокультурные проявления глобализации ведут к все большему распространению «многосоставной» (multiple) идентичности; региональная идентичность есть субъективный феномен индивидуального, группового социетального знания, складывающийся на основе различия «мы – они», поиска сходства и различий «родного» региона с иными пространствами [14, с. 29]. Российские социологи Е. Н. Данилова и В. А. Ядов убеждены, что в современном динамичном мире принципиально невозможна стабильная социальная идентичность и в широком смысле наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности [15, с. 30]. Это движение способно создать условия, когда космополитизм станет идентичностью каждого.

Итак, новый, «открытый регионализм» опосредует развитие глобализации. Важным видится то, что политическая воля лидеров стран, составляющих «новый» регион, превращает его в некую единицу стабильности, которая в XXI веке будет, очевидно, в числе определяющих глобальное политэкономическое устройство. Но здесь «стабильность» должна пониматься как социокультурный гомеостазис, как стабильное сотрудничество, а не стабильная конфронтация.

Выводы. Наше исследование опиралось на предпосылку того, что в вопросе

доминирования организации общества решающим является количество человеческих жизней, поддерживаемых социальной системой. Сетевая организация общества необходимо способствует выживанию исторически новой форме общности – человечеству. Еще во многом стихийное сетевое движение нуждается в идеологической поддержке «сверху». Традиционно считалось, что чем более унифицирована структура, тем она эффективнее. Основа солидарности многочисленных реальных групп сегодня должна быть, конечно же, гибче, мягче, органичнее. Это способен обеспечить информационный, «сетевой режим» с его генеральным принципом нониеархии (не понимать буквально), прозрачности информации и знаний (knowledgesharing), логистической оптимизации пространства материальных потоков. Преобразование должно вестись на всех фронтах одновременно и с разной скоростью; антииндустриальные силы должны быть неунифицированными и полифрактальными по структуре. Укоренение постиндустриализма возлагаем на «открытую идентичность».

Движение обобществления ценностей мировой культуры создает новые условия свободы индивидов в отношении общественных структур. Люди становятся способны рефлексивно созидать не только себя, но и общество. Социальное не исчезает, но становится подверженным влиянию свободной рефлексивности. Для свободной личности возможен выбор социального контекста, а именно: какие социальные отношения культивировать, а какие нет. Именно на этих основаниях строится движение нового, открытого регионализма.

Движение современного регионализма имеет две составляющие – прогрессивную и реакционную. Реакционная имеет своим содержанием попятное в истории направление и возможна как возвращение к первичной исторической идентичности, например, этнической, как единственному источнику смыслов после распада более широкой формы общности, например, национальной. Но мы своим исследованием хотели отметить и прогрессивную составляющую движения по формированию новых, открытых региональных идентичностей. Мы убеждены, что движение нового регионализма есть не фактор неотрайбализма, а *сетевая оптимизация* современного этапа капиталистической экономики, направленная, в конечном счете, не против собственности частной монополии, а против монополии частной собственности.

Литература:

1. Филлипс, Л. Дискурс-анализ. Теория и метод [Текст] / Л. Филлипс, М. Йоргенсен ; пер. с англ. – Х. : Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
2. Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков [Текст] / Ф. Анкерсмит ; пер. с англ. под науч. ред. Л. Б. Макеевой. – М. : Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
3. Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью [Текст] / В. С. Малахов // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43–53.
4. Голиков, А. С. Мир изменяющихся идентичностей: трансформации национальной самоидентификации в условиях пограничья [Текст] / А. С. Голиков // Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи / Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2006. – № 723. – С. 123–128.

Черниенко В. А., Новоселов О. В. **НОВАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

5. Хоружий, С. С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя [Текст] / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 75–85.
6. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
7. Каримова, А. Б. Регионы в современном мире [Текст] / А. Б. Каримова // СОЦИС. – 2006. – № 5. – С. 32–41.
8. Крылов, М. П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России [Текст] / М. П. Крылов // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 13–23.
9. Смирнова, Н. А. Региональная идентичность в условиях современного российского общества [Текст] : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. социол. наук : спец. 22.00.04 / Н. А. Смирнова. – Волгоград, 2004. – 27 с.
10. Шматко, Н. А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования [Текст] / Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 94–98.
11. Хелд, Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура [Текст] / Д. Хелд и др. ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. – М. : Праксис, 2004. – 576 с.
12. Федотова, Н. Н. Кризис идентичности в условиях глобализации [Текст] / Н. Н. Федотова // Человек. – 2003. – № 6. – С. 50–58.
13. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности [Текст] / С. Хантингтон ; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.
14. Баранов, А. В. Региональная политическая идентичность: методы исследования в Западной Европе [Текст] / А. В. Баранов // Социальная политика и социология. – 2006. – № 1(29). – С. 23–31.
15. Данилова, Е. Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ [Текст] / Е. Н. Данилова, В. А. Ядов // Социологические исследования. – 2004. – № 10 (246). – С. 27–30.